
МЕРТВАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ
18+

Domnul Care

Мертвая реальность

«Автор»
2026

Domnul Care

Мертвая реальность / Domnul Care — «Автор», 2026

Реальность умирает. Но никто об этом не знает.Империи сражаются за будущее, цивилизации пытаются выжить, а жизнь миллиардов людей идёт своим чередом. Каждый уверен, что знает мир, в котором живёт.Но иногда время словно забывает идти вперёд. Воспоминания противоречат действительности. А случайные встречи вызывают странное чувство: всё это уже происходило.Поначалу такие странности легко списать на усталость или ошибки памяти. Но они повторяются, и привычные объяснения перестают работать.Попытки разобраться лишь усиливают сомнения. Если нельзя доверять даже собственным воспоминаниям, как узнать, что происходило с тобой на самом деле?А ты уверен, что это твоя первая жизнь?

© Domnul Care, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 15

Domnul Care
Мертвая реальность

Глава 1

С рождения в Империи Элеос, на планете, затянутой вечной зимой, каждый ощущал гнетущую тишину. Башни, уходящие в небо, собирали энергию тусклого солнца. Света едва хватало, чтобы поддерживать жизнь в Империи, где порядок держался на страхе и подчинении.

Когда-то всё было иначе. Старики рассказывали, что солнце сияло ярче, а планета была покрыта садами. Люди жили, не борясь за выживание, но эти времена давно прошли.

Катастрофа изменила всё. Климат стал невыносимым, началась борьба за ресурсы. В течение двух веков шли войны, рушились города, исчезали цивилизации. Элеос погрузился в хаос.

В это же время шла война с Зератосом — соседней системой, заинтересованной в метеоритном поясе Элеоса, богатом редкими металлами. Их технологии превосходили элеосские, но сами зератийцы были зависимы от природных ресурсов, которые не могли добывать на своей планете. Двухсотлетний конфликт был кровопролитным. Война не прекращалась ни на земле, ни в космосе, пока потери с обеих сторон не вынудили заключить шаткое перемирие.

Но на самой планете мир не наступил. Власть сменялась десятки раз, Империя рассыпалась на фракции, боровшиеся за территории и остатки ресурсов. Пять веков бесконечных конфликтов стерли с лица планеты города, миллионы погибли, а жизнь превратилась в выживание.

Когда Элеос оказался на грани полного разрушения, а войны истощили последние ресурсы, появился Лидер. Никто не знал, откуда он взялся. Он не возглавлял фракции, не поднимал восстаний — он просто пришёл и подчинил всех. Разрозненные выжившие прекратили борьбу, порядок был восстановлен.

Он создал новую империю: воздвиг башни, собирающие энергию слабого солнца, и построил гигантский купол, закрывший половину неба. Эта конструкция улавливала солнечные лучи и преобразовывала их в энергию, которая затем передавалась по кабелям к генераторам. Но побочным эффектом стало похолодание — звезда больше не могла согревать Элеос.

Теперь, когда Элеос отворачивался от звезды, температура падала ниже минус семидесяти пяти. Планета погружалась в ледяную темноту.

Однако власть Лидера держалась не только на технологиях. Империя строилась на дисциплине и подавлении любого инакомыслия. Старый мир был стёрт, история переписана. Лидера превратили в культовую фигуру. Его появление стало событием, тщательно контролируемым и поставленным, словно театральное представление. Он никогда не показывал лица, его голос проходил через модуляторы. Одни считали, что он скрывает уродство, другие — что он вовсе не человек, а искусственный разум. Его долголетие лишь подкрепляло эти слухи.

Элеос больше не знал ни тепла, ни солнца. Города лежали в руинах, а растительность исчезла. Однако в замке Лидера существовал сад — единственное место, где росла лаванда. Немногие знали о его существовании, но говорили, что это символ прошлого, которое он не хотел забыть.

Империя держалась на хрупком равновесии и зависела от перемирия с Зератосом.

Теперь судьбу человека решало образование. Успешная сдача экзаменов позволяла стать инженером, учёным, техником — частью «Машины Империи». Провал означал одно из двух. Либо «Уединение души», после которого личность стиралась, а человек становился безвольным слугой, либо шахты. Глубокие промёрзшие рудники, где добывали кэрулию, основу энергетической системы.

Феликс появился в этом мире внезапно. Он не помнил своего прошлого, только то, что его воспитывала женщина по имени Ситрея. Она жила на окраине небольшой деревни, в доме из промёрзшего камня. Единственным источником тепла был старый кэрулиевый обогреватель.

Школа, в которую ходил Феликс, была такой же серой, как и всё вокруг. Учителя, прошедшие «Уединение души», без эмоций повторяли одни и те же фразы: история Империи, правила повиновения. Они не учили думать — только запоминать. Феликс не любил школу, но понимал, что образование — его единственный шанс выбраться из этого мира.

Однажды вечером, когда солнце скрылось за горизонтом, Феликс и Маркус играли в снежки на площади перед школой. Маркус был ловчее — он всегда уворачивался и попадал точно в цель. Феликс же постоянно промахивался и не успевал увернуться, но всё равно смеялся.

— Ты как будто не здесь, — бросил Маркус, уклоняясь от снежка.

— Может, и не здесь, — усмехнулся Феликс, стряхивая снег с плеч.

Маркус прищурился, но промолчал. Они дружили столько, сколько он себя помнил. Феликс знал, что они всегда были рядом, но подробности… ускользали.

Он помнил зимний день, похожий на этот, развалины старого дома, голоса в пустоте. Как он нашёл Маркуса среди мусора и битого стекла, замёрзшего, голодного, но упрямо сжимающего в руках старый обрывок книги. Он помнил, как они вместе искали еду, как втягивали холодный воздух, глядя на тёмное небо, как мечтали о доме, где было бы тепло.

Феликс знал, что они всегда были друзьями. Просто… что-то не складывалось. Но он не придавал этому значения. В конце концов, Маркус был рядом, а значит, это неважно.

Однажды, бродя по руинам старого города в поисках еды, Феликс и Маркус услышали плач.

Среди бетонных обломков, прижав колени к груди, сидела девочка. Ярко-рыжие волосы падали на лицо, плечи дрожали от холода.

— Эй, ты в порядке? — Маркус присел рядом.

Она не ответила.

Феликс нахмурился. Обычно дети либо убегали, либо бросались к тебе, умоляя о помощи. Но она… просто сидела.

— Пошли с нами, — сказал он.

Она подняла голову. Их взгляды встретились.

В глазах отражался свет далёкого фонаря, но Феликсу показалось, что этот свет был слишком чётким, будто внутри пряталось что-то большее.

Маркус тронул его за плечо.

— Ты уверен?

Феликс хотел сказать «не знаю», но почему-то ответил:

— Да.

Когда они вернулись домой, Ситрея уже ждала их. Она стояла у печи, и тепло её ладоней согревало кружку с чем-то горячим.

Феликс почувствовал лёгкое дежавю. Как будто он уже приводил кого-то сюда.

— Это Алиса, — сказал он, хотя не помнил, называла ли она своё имя.

Ситрея посмотрела на девочку, затем на Феликса.

— Ты всегда приводишь их домой.

Феликс открыл рот… но не нашёл, что ответить. «Их?» Он хотел спросить, но слова снова застряли.

Ситрея улыбнулась, погладила Алису по голове.

— Мир… он страннее, чем кажется. Иногда кто-то прокладывает камни, а мы просто идём по тропинке, которая уже проложена.

Феликс нахмурился.

— О чём ты?

Ситрея посмотрела на него долгим, почти изучающим взглядом.

— О том, что если долго смотреть в зеркало, можно увидеть что-то иное.

Маркус нахмурился.

— Это звучит… неправильно.

— Почему? — мягко спросила Ситрея, и её голос был слишком спокойным. — Может, иногда надо просто смотреть?

Феликс почувствовал лёгкий холодок.

В ту ночь Алиса осталась с ними.

Феликс пытался вспомнить, как они приняли это решение. Кто предложил? Алиса? Он? Маркус?

На следующее утро он понял, что не может вспомнить, когда именно она вошла в их жизнь.

— Феликс, ты опять витаешь в облаках?

Маркус оторвался от книги и посмотрел на него.

Феликс слегка улыбнулся.

— Просто думаю.

— О том, реально ли окружение вокруг тебя?

Феликс взглянул на него.

— А если нет?

— Тогда, возможно, реальностью становится то, во что ты веришь.

Феликс молча смотрел на пламя в очаге. Оно двигалось слишком ровно, слишком правильно. Как будто кто-то рассчитал каждую искру.

— Может быть...

Маркус задумчиво перевернул страницу.

— Вот интересный факт, — сказал он. — Существует теория, что мир может существовать в разных вариациях одновременно.

Феликс нахмурился.

— Ты веришь в это?

Маркус поднял взгляд.

— А ты?

В последнее время Алиса вела себя странно. Ничего необычного — но иногда она замирала, словно прислушиваясь к чему-то, чего не слышали другие. Или её движения были слишком точными, как будто каждое из них было выверено заранее.

Но ему не хотелось говорить об этом вслух.

— Интересная теория, — сказал он наконец.

Маркус улыбнулся.

— Может, это тоже часть вариации?

Феликс усмехнулся, но в груди оставалось странное ощущение.

Воспоминания приходили внезапно, как холодный ветер, пробирающийся сквозь щели. Феликс часто мечтал о будущем. В детстве, когда они с Маркусом сидели у костра из старых книг на заброшенном складе, он грезил о тёплом доме, о жизни без страха. Они были совсем детьми, но уже тогда понимали, что в этом мире можно выжить только вместе.

Прошлое смешивалось с настоящим.

Феликс почувствовал, как время застыло. Комната с каждым мгновением становилась тише, будто воздух сам затаил дыхание. На мгновение показалось, что стены сжались, оставляя лишь узкий коридор между прошлым и настоящим.

Он поднял взгляд.

Кровать.

Ситрея...

Что-то не так.

Она не вставала уже давно. Её дыхание с каждым днём становилось слабее, словно таяло вместе с ускользающим светом за окном. В глубине души он знал это.

Но память настойчиво рисовала другую картину — тёплые руки, поправляющие одеяло, приглушённый шёпот по утрам. Эти воспоминания были слишком яркими, чтобы казаться ложью.

Феликс провёл ладонью по холодному покрывалу. Пустота обожгла пальцы.

Он не помнил, когда в последний раз слышал её голос.

В кармане лежала старая фотография с выцветшими силуэтами. Он сжал её уголок, пытаясь зацепиться за что-то реальное.

Алиса подошла ближе. Её пальцы скользнули по лбу женщины — слишком плавно, слишком осторожно, будто она делала это не впервые.

За окном взвыла сирена — низкая, протяжная, какой он раньше не слышал. Стены вздрогнули.

Феликс стиснул зубы.

— Я останусь с ней, Феликс, — сказала Алиса.

Голос был тёплым, но в нём не было тревоги.

Феликс замер.

Он хотел спросить, почему её слова звучат так, словно она уже говорила их раньше.

Хотел… но не смог.

Его пальцы дрожали, когда он поправил ремешок старых часов. Стрелки снова стояли на месте. Как всегда, когда она была рядом. И он не знал, радоваться этому или бояться.

Время всегда было одинаковым.

Он бросил последний взгляд на кровать — на женщину, которая уже давно не вставала.

Алиса осталась в комнате.

Она не обернулась.

Феликс вышел, не помня, как оказался за дверью.

Толпа собиралась на площади. Люди шептались, оглядывались, пытаясь понять, стоит ли бежать или ждать. Одни прятались в развалинах, цепляясь за последний шанс спастись. Другие стояли молча, с пустыми глазами, зная, что выбор давно сделан за них.

Феликс пробирался сквозь толпу. В переулках вспыхивали короткие стычки. Солдаты без лишних слов валили людей на снег, разбивая прикладами любые попытки сопротивления.

— Мы справимся, — прошептал Маркус рядом.

Феликс кивнул, не находя в себе сил ответить.

Машины выстроились вдоль улицы.

Обычные грузовики с рваным брезентом — для тех, кто ещё мог служить.

Жёлтые машины с затемнёнными окнами — для тех, кто не вернётся.

Чья-то рука схватила его за плечо. Солдат глянул в список, потом на него: «Ты. Внутрь».

И грубо толкнул Феликса в кузов.

Маркус сел рядом сам, не сопротивляясь. Несмотря на происходящее, его взгляд оставался твёрдым.

Грузовик завёлся, увозя их в ночь.

За окном тёмные силуэты домов медленно исчезали.

Феликс смотрел в щель брезента.

На секунду ему показалось, что он снова видит её. Или то, что хотело ею казаться.

Алиса стояла вдалеке, среди неподвижной толпы.

То ли тень, то ли видение, сотканное из усталого сознания.

Она не махала, не звала, просто смотрела.

Мгновение — и грузовик повернул, закрывая её фигуру.

Он всегда уходит.

Она всегда остаётся.

В тот момент он не знал, что видит её в последний раз.

Через щели в брезенте Феликс видел серое небо. Оно нависало тяжёлой плитой, давя на мир, словно огромный каменный гроб.

Война требовала солдат. Но не всех брали в армию.

В Империи существовала чёткая военная иерархия.

Те, кто проходил «Уединение души», становились идеальными слугами — преданными, беспрекословными. Они шли в бой без страха, выполняя приказы, не задавая вопросов.

Но их сознание было сломано.

Эти солдаты подходили для поддержания порядка, патрулирования улиц, подавления бунтов — там, где не требовалась мысль. Но на войне они были слабы. Империя не могла полагаться на тех, кто был лишён воли, — или на тех, кто сопротивлялся.

Поэтому «Уединение» проходили в основном те, кто сопротивлялся: их ломали, превращая в преданных слуг Империи, неспособных мыслить самостоятельно. Были и те, кто шёл на это добровольно — фанатики, полностью преданные Лидеру. Они не просто подчинялись, они верили. Часто такие становились офицерами, повышались в звании, достигали вершин военной иерархии.

Были и те, кто не сопротивлялся открыто. Их отправляли на передовую — с сохранённой волей, с ясным сознанием. Таких выбирали намеренно: не бездумных фанатиков, а тех, кто ещё мог сомневаться. Их не трогали не из жалости — просто их страх и понимание работали точнее любого приказа. Они были примером — живым напоминанием остальным.

Империи не нужно было тратить ресурсы на тех, кто всё равно погибнет на поле боя. Они были просто числом, цифрами в отчётах, живым щитом для тех, кто стоял выше.

Система не ошибалась. Она перерабатывала их без лишних усилий.

— Куда нас везут? — спросил кто-то из новобранцев.

Вопрос повис в воздухе.

Никто не знал ответа.

Феликс взглянул назад.

Сквозь завывания метели он увидел силуэт. Алиса стояла вдалеке, её фигура расплывалась в снежной пелене. Она подняла руку и показала на часы — тот же жест, что и в доме. Снег не таял на её плечах. Больше она не двигалась.

Феликсу вдруг показалось, что её там никогда и не было.

Грузовик резко дёрнулся, подпрыгнув на кочке, и в тот же миг силуэт исчез, растворившись в вихрях снега.

Может, это была просто игра теней? Или что-то другое?

Мысли спутались. Феликс снова уставился перед собой.

Поездка длилась бесконечно.

Сон накрыл его, как тяжёлое одеяло.

...Он открыл глаза.

Сирена ещё не прозвучала.

В комнате было тепло.

Мать лежала на кровати.

— Феликс, — её голос был тихим, но ясным.

Он приподнялся.

— Что?

Она смотрела на него.

В её глазах было что-то неправильное.

— Ты должен идти.

Феликс моргнул.

Кровать…

Ситрея…

Он закрыл глаза, потом снова открыл.

Грохот колёс, холодный воздух.

Грузовик.

Феликс резко выдохнул, чувствуя, как сердце колотится в груди.

Маркус сидел рядом, его взгляд был устремлён в одну точку.

— Всё нормально?

Феликс молча кивнул.

Он не знал, что было сном, а что — реальностью.

Грузовик остановился.

Железная стенка с грохотом отворилась.

— ВЫХОДИТЬ!

Солдаты вытолкнули их наружу.

Холодный бетон обжёг ступни. Воздух был насыщен металлом, топливом и горечью. Над головами ревели двигатели кораблей, где-то вдали — глухие выстрелы.

Это была военная база.

Здесь всё начиналось.

Элеос и Зератос не могли позволить себе ещё одной затяжной войны — ресурсов почти не осталось.

Перемирие трещало по швам. Договор давал два месяца. Последний бой. Последний шанс.

Время на полигоне ускользало сквозь пальцы.

Дни — тренировки: рукопашный бой, стрельба, тактика.

Ночи — в кошмарах.

Феликс и Маркус попали в разные отряды, но виделись на тренировках и в бараке. Делили хлеб. Молчали в холоде.

Алиса исчезла.

Феликс не знал, жива ли она. Он не спрашивал.

Но иногда, засыпая, чувствовал чей-то взгляд.

И всегда перед тем, как провалиться в сон, он слышал слабый, едва уловимый звук:

Тик-тик. Тик-тик.

Часы снова шли.

Каждое утро начиналось с пронзительного сигнала сирены. Звук разносился над бараками, проникая в самую глубину сознания. Новобранцы вскакивали с коек, натягивали форму и спешили на построение.

Завтрак — густая серовато-белая масса с металлическим привкусом. Её называли «сбалансированной», но в желудке она ощущалась как пустота. Питательной она была только по отчётам — для тела этого хватало, но разум продолжал голодать.

После безвкусного завтрака начинались тренировки. Рукопашный бой. Стрельба. Тактическое маневрирование. Но больше всего — работа с энергетическим оружием. Лазерные винтовки, импульсные гранаты, плазменные резаки. Оружие, способное пробивать броню, разрывать тело на части.

Феликс держал в руках винтовку — единственную энергетическую на всю роту. Каждый день оружие передавали по кругу, по графику. Остальные тренировались со старыми патронными винтовками — без энергетики, но с настоящей отдачей.

Смысл был прост: даже если энергетическую винтовку не дадут, навык останется. Пусть на фронте выдавали старые патронные винтовки, а не энергетику — целиться, держать отдачу и перезаряжаться учили одинаково. Научился стрелять из одного — сможешь из другого. Потом, в бою, это могло спасти жизнь.

Но даже такая подготовка была роскошью. Планета и до войны не блистала богатством: ресурсы были раздроблены — скрыты в недрах, разбросаны по метеоритному поясу, откуда их добывали с колоссальными затратами. Перед войной всё ушло на строительство куполов, орбитальных платформ, укрепление границ. А когда началась война, запасы сгорели за считаные месяцы. Оружие производили в минимальных количествах, перераспределяли, перебрасывали туда, где было «важнее». Лишь офицеры и элита получали полноценные комплекты.

Умирающая Империя выскребла последние остатки с заводов. Всё, что было, отправлялось на фронт: новейшие импульсные установки соседствовали с винтовками времён старой Земли, музейными экспонатами с одним патроном на десять человек. Единого стандарта не существовало. Если ствол мог стрелять — его отправляли в бой.

На низах учились обходиться малым.

«Учитесь работать в команде», — говорили инструкторы.

Но никто не говорил, почему у них всего одна энергетическая винтовка.

После обеда их запирали в учебных аудиториях. Там, при тусклом свете мерцающих ламп, инструкторы, прошедшие «Уединение души», монотонно вдалбливали им историю Империи. О непобедимости армии. О Лидере. О врагах, жаждущих уничтожить их мир.

Вечера были свободными, но покой не приходил.

Феликс и Маркус лежали на койках, уставившись в деревянный потолок.

В углу кто-то переговаривался вполголоса, другой бездумно жевал паёк, словно не замечая вкуса.

— Ты видел этих? — сказал Маркус, не называя.

Феликс кивнул. Он знал, о ком речь. Реликсы. Высокие. Тяжёлые. Стояли, будто вырезанные из обугленного металла — нечто между обсидианом и старой бронёй.

Их поверхность поглощала свет. Как будто сама ночь нашла форму.

— Они... странные, — продолжил Маркус. — Слишком холодные. Слишком неподвижные.

Феликс нахмурился.

— Но будто ждут чего-то.

— Да, — прошептал Маркус, — как будто... замерли, а не выключены.

На полигоне один из них поворачивался на миллиметры, едва заметно, когда кто-то проходил мимо. Это могло быть случайностью. Или нет.

— А те, что мельче, — Маркус сглотнул. — Замечал их?

Феликс кивнул снова. Среди Реликсов были и мелкие — дроны. Тёмные силуэты, почти бесшумные. Только узкие прорези света, мерцающие, как глаза в глубокой шахте.

— Они... двигаются слишком плавно. — Маркус провёл ладонью по затылку. — Словно заранее знают, куда идти.

Феликс сжал пальцы.

— Иногда мне кажется, будто они следят не глазами. А... чем-то другим.

Маркус не ответил. Несколько секунд оба молчали.

За окнами выл ветер, и сквозь него, казалось, просачивался не звук, а взгляд.

Феликс вспомнил, как сегодня днём один из этих дронов завис прямо перед ним.

Маленькое, гладкое, почти органическое тело — будто вылито из чёрного стекла, поглощающее свет.

Крошечное красное око застыло прямо напротив его лица.

Оно не двигалось. Не мигало. Только смотрело.

Слишком долго.

А потом…

Провал. Он не мог вспомнить, что произошло дальше. Лишь пустота — будто кто-то нажал паузу в его сознании.

Он сжал кулаки.

В помещение вошли двое из соседнего отряда — Кай и Томас. Кай — широкоплечий, с тяжёлым протезом вместо левой руки, тускло поблёскивавшим в свете ламп.

Кай сразу заявил жёстко:

— Все по углам? Чего ждёте — приказа умереть?

Маркус фыркнул:

— Хоть мы не делаем вид, будто всё нормально.

— А я приказы выполняю, — отрезал Кай. — Пока вы тут размазываетесь, я держу позиции.

— Какие позиции? — усмехнулся Томас. — Тут нет линии фронта.

— Мы солдаты Империи.

— Империя развалилась. Ты просто боишься это признать.

Кай не унимался:

— Пока мы в её форме — у нас есть долг.

— У нас осталась только форма, — тихо сказал Томас. — Всё остальное сгорело.

Кай повысил голос:

— Тогда, по-твоему, зря я тогда полез? Лучше было сидеть и ждать?

— Я не осуждаю тот поступок, — ответил Томас. — Я осуждаю то, кем ты стал после.

Кай шагнул ближе:

— По-твоему, лучше быть мёртвым человеком, чем живым зверем?

— Лучше быть человеком. Даже если это больно.

Кай сорвался:

— А люди умирают. Из-за таких, как ты.

Феликс поднял голос:

— Хватит. У нас один враг — и это не мы.

Повисла тишина. Кай отступил, Томас отвёл взгляд. Никто больше не сказал ни слова.

На следующий день стало понятно, отчего их всех так спешно собрали. В центре полигона стоял инструктор. В руках он держал «Морозного Скорпиона». Небольшую партию этих образцов привезли на базу, но показывали по одному.

Феликс невольно задержал дыхание. Оружие выглядело… совершенным. Мощь. Красота. Слишком совершенным для этого мира.

Империя не могла позволить себе сделать его массовым.

«Ничего нового», — пронеслось в голове Феликса. Точно так же они не могли позволить себе достаточное количество винтовок. Просто никто не говорил об этом вслух.

Феликс перевёл взгляд на инструктора. Тот хранил молчание, словно знал, о чём он сейчас думает.

— Отдать оружие, — сказал инструктор, кивнув на винтовки в руках солдат.

Солдаты молча вернули винтовки на место. Тренировочное оружие оставалось на базе — на фронте выдадут другое, но навык останется с ними. Энергетическую убрали в отдельный контейнер. «Морозные Скорпионы» — вся небольшая партия — исчезли в бронированных ящиках. Редкие, почти экспериментальные образцы. В боях они пока не участвовали. Только слухи. Говорили, что один такой способен разнести блокпост за секунды.

Колонны двинулись к фургонам. Грузовые машины с облупившейся краской стояли вдоль полигона, готовые поглотить солдат. Феликс почувствовал, как воздух стал гуще, пропитанный запахом горелого металла и масла.

Внутри фургонов было тесно. Солдаты сидели плечом к плечу, молча глядя в одну точку. За небольшими прорехами в брезенте медленно проплывали разрушенные поля — некогда плодородные земли, теперь выжженные и мёртвые. Обломки домов, ржавые остовы машин, искорёженные кости городов.

Вдалеке уже маячили очертания столицы. Узкие улицы, заваленные мусором, соседствовали с идеально вымощенными проспектами, украшенными флагами Империи. Красные полотна висели на каждом здании, развеваясь в холодном ветре. Здесь не было жизни — только порядок.

Фургоны замедлились, колёса скрипели по промёрзлой мостовой. Когда машины остановились, солдат начали выгружать под гулкие команды надзирателей. Холодный воздух ударил в лицо, пропитанный гарью и металлической пылью. Площадь была гигантской, покрытой промёрзлыми плитами, которые поблескивали под снегом и инеем. Высокие башни из металла и стекла обступали её со всех сторон, словно немые свидетели.

Женщины и дети стояли вдоль линии оцепления, создавая иллюзию торжественных проводов. Но их лица оставались безжизненными, улыбки — натянутыми. Феликс ощутил, как его дыхание стало тяжелее. Толпа выглядела неправдоподобно — словно каждый человек здесь играл свою роль по заранее написанному сценарию.

Над площадью гремел голос диктора, сливаясь с отдалёнными металлическими звуками марширующих солдат. Толпа стояла молча, как замороженная. Только редкие движения голов выдавали попытки рассмотреть фигуру в капюшоне на трибуне — ту, что не двигалась и не говорила.

От фургонов до площади был небольшой отрезок пути — солдаты выстроились в колонны и начали маршировать по команде, шаг за шагом переходя от транспорта к церемониальному строю. Переход был холодным, механическим — словно кто-то включил отрепетированный сценарий.

Феликс почувствовал, как его дыхание стало тяжелее. В груди нарастало ощущение безысходности, будто каждое слово диктора оплетало его цепями. Он украдкой взглянул на Маркуса — тот стоял с каменным лицом, но его побелевшие пальцы сжимали ремень формы так, что костяшки выступали белыми пятнами.

— Империя — это порядок, — гремел диктор. — Империя — это жизнь. Каждый шаг, каждый выдох принадлежит нашему великому Лидеру!

Музыка парадного марша заполнила воздух, заставляя сердца биться в унисон с тяжёлыми аккордами. Солдаты начали медленно двигаться вперёд, шеренга за шеренгой, будто деталь одного огромного механизма.

Феликс шагал, стараясь не смотреть по сторонам. Но глаза сами искали что-то — кого-то. Женщины и дети, стоявшие вдоль площади, смотрели на них с натянутыми улыбками. Их лица были бледными, глаза — пустыми. Они махали руками, но в этом движении не было ни радости, ни надежды — лишь механическое подчинение.

— Почему они здесь? — прошептал Маркус, едва шевеля губами.

— Они провожают нас… — ответил Феликс, хотя и сам не верил в свои слова.

Площадь была огромной, но даже она не могла скрыть странности этого момента. Казалось, что все эти люди — зрители, актёры в разыгранной пьесе.

Феликс почувствовал, как сердце забилось быстрее. Он сам не знал, зачем искал в толпе Алису — ту, что осталась с умирающей Ситреей. Но всё равно искал. И не находил. Вместо неё, вдалеке, в тени одной из башен, застыл силуэт. Фигура в маске стояла неподвижно, словно наблюдая за происходящим спектаклем.

Когда шеренги приблизились к трибуне, диктор замолчал. Только музыка продолжала звучать, превращаясь в похоронный марш.

Кай шагал впереди, его металлическая рука сжималась и разжималась в такт шагам. Томас шёл рядом, не отрывая взгляда от Реликсов, стоявших вдоль периметра. Эти машины не двигались, но их узкие смотровые щели мерцали красным светом.

— Они наблюдают, — пробормотал Маркус, словно читая мысли Феликса.

— Всегда наблюдают… — эхом отозвался он.

В кармане отозвались часы. Ровные удары, мерные, как шаги колонны. Они отмеряли время — оставшиеся секунды перед неизбежным.

Наконец колонна приблизилась к массивным кораблям. Они возвышались над площадью, как гробницы из металла и стекла. Створки грузовых отсеков были открыты, изнутри веяло холодом.

— Береги себя, друг, — сказал Маркус, сжимая руку Феликса.

— И ты тоже, — ответил он, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Мы ещё встретимся.

Маркус кивнул, но в его глазах не было уверенности.

Когда двери корабля начали закрываться, Феликс успел заметить, как одна из фигур в толпе повернула голову. На мгновение он увидел рыжие пряди и глаза — светлые, слишком светлые для этого места.

Алиса.

Или тень, принявшая её облик.

Феликс не успел ничего сказать. Металлические створки захлопнулись с глухим эхом, отрезав его от умирающей планеты.

Внутри капсулы царила тишина. Только слабое тиканье часов в кармане напоминало о времени, которое медленно стекало сквозь пальцы.

— Я выживу… — прошептал он, сжимая кулаки.

Корабль содрогнулся, взмывая в серое небо.

Глава 2

Аэлла родилась на планете Сирея — мире, где даже воздух помнил вкус давно ушедшей войны. Здесь всё казалось хрупким: и мир, и сама природа. Империя Зератос, занимавшая всю планету, почти два столетия вела изнурительную войну с Империей Элеос, расположенной на планете Терее. К её концу обе стороны оказались истощены: не хватало топлива, сырья, продовольствия и деталей для ремонта военной техники. Города приходили в упадок, а население всё сильнее ощущало последствия затянувшегося противостояния.

Война не закончилась мирным соглашением. Её прервало пробуждение древнего и малоизученного организма, известного как Муселиум. Угроза оказалась настолько серьёзной, что продолжать противостояние стало опасно даже для тех, кто ещё недавно был готов уничтожить противника любой ценой.

Перемирие стало вынужденной передышкой. Ни одна из империй не отказалась от своих притязаний. Боевые действия прекратились, но взаимное недоверие сохранилось. Обе стороны восстанавливали силы, укрепляли позиции и продолжали следить друг за другом, готовясь к возможному возобновлению войны.

Муселиум — грибоподобная форма жизни, обитающая в недрах планеты. После его пробуждения началась стремительная эпидемия. Очаги заражения возникали в шахтах, у водоёмов, в лесных поселениях. Со временем появились свидетельства двух форм заражения, различавшихся прежде всего скоростью развития болезни.

Тип I — первичный. Передавался через споры Муселиума: при вдыхании, контакте с заражённой почвой или водой, а также через укус старого «водимого» — того, кто заразился давно, но ещё сохранял подвижность. Первые симптомы появлялись лишь на следующий день после заражения, иногда ближе к его концу. Болезнь развивалась постепенно, растягиваясь на несколько дней.

Тип II — вторичный. Передавался через укус позднестадийного «водимого» или при попадании его крови в организм человека. К этому моменту мицелий уже глубоко проникал в ткани заражённого. Эта форма появилась позже и сопровождалась резким ускорением развития болезни. Обычно на превращение уходило около полуминуты, но в отдельных случаях процесс затягивался почти до двух минут.

При этом стадии болезни оставались одинаковыми для обоих типов. Различалась лишь скорость их прохождения: то, на что при Типе I уходили дни, при Типе II могло произойти за считаные минуты.

По мере развития болезни появлялись сильная лихорадка, потливость, головная боль и сыпь по всему телу. Затем нарушалась координация, возникали бессонница, дезориентация, галлюцинации и приступы агрессии. На более поздних этапах заражённый терял речь, страдал от судорог, а его сознание постепенно угасало. Одновременно начиналось разрастание тканей с признаками мицелия: под кожей появлялись уплотнения и изъязвления, а в редких случаях грибные структуры прорастали через ротовую и глазные полости. На последней стадии поражение затрагивало центральную нервную систему.

Поражённый терял личность и полностью подчинялся чужой воле. Его движения казались хаотичными, но в них прослеживалась определённая цель. Даже при обширных поражениях тела он мог сохранять двигательные функции.

Для борьбы с угрозой возродился почти забытый Орден Секров, хранивший древние знания о планете. Целью Секров было локализовать очаги и остановить распространение Муселиума. Секры сжигали очаги, использовали очищающие сыворотки, изолировали поселения. Но заражение распространялось быстрее, чем они могли действовать. Некоторые области просто выгорали. Леса, города, целые долины превращались в карантинные зоны.

Секры несли потери. Тогда было принято решение — спуститься в долину Т'Рай, где, как считалось, находился основной источник грибного роста. Из всей экспедиции вернулись только двое: Терон и Дрон. Вскоре после этого распространение Муселиума прекратилось, а очаги угасли. Что произошло внизу, так и осталось неизвестным: ни Терон, ни Дрон не рассказывали об этом.

Это породило массу слухов. Кто-то считает, что они уничтожили ядро заражения. Другие уверены, что они были заражены, но нашли способ сдерживать болезнь — при помощи неизвестной сыворотки или мутации. Есть даже версия, что Муселиум сам остановился, затаился, чтобы дождаться нового момента. Ни одно из предположений не было подтверждено. Но одно известно точно: оба перестали стареть. С момента экспедиции прошло уже более пяти столетий.

После событий в долине Т'Рай управление планетой перешло к Совету Регалии. Новый порядок пришёл вместе с таинственным Советником Жизни. Он установил правила, подчинил торговлю, заключил пакт с Элеосом. Все поставки с тех пор сопровождались лавандой — никто не знал зачем, но обычай укоренился. Она стала символом стабильности и подчинения.

Тем временем Аэлла, воспитанная Тероном, росла в этом мире. Он учил её видеть признаки заражения, чувствовать опасность, обращаться с оружием. Он говорил мало, но его раны и молчание говорили за него. С юных лет она знала, что спокойствие этой планеты — обманчиво.

Отдельного внимания заслуживала местная фауна — в том числе существа, напоминающие кабанов и оленей Земли. Животные оставались под подозрением: некоторые утверждали, что они тоже могли заражаться. Однако при вскрытиях спор не обнаружили, и мясо считалось безопасным. И всё же слухи продолжали ходить: лес следит, звери иногда ведут себя неестественно, а гриб может «слышать» через них. Подтверждений не было. Лишь догадки.

Солнце клонилось к закату, заливая лавандовые поля тяжёлым багрянцем. Аэлла отрабатывала удары на пустой поляне. Клинок мелькал в воздухе, рассекая тишину, — быстрые, точные движения без лишней бравады. Терон наблюдал со стороны, прислонившись к старому дереву. Его лицо оставалось спокойным, но глаза были внимательны.

— Удар резкий, но ты слишком открываешься, — сказал он, когда Аэлла остановилась, тяжело дыша. — Так тебя легко вывести из равновесия.

— Исправлюсь, — отозвалась она, не отводя взгляда. — Хочу успеть выучить всё до...

— До чего? — перебил он. — До того, как всё снова рухнет?

Она не ответила.

— Меч — не решение, Аэлла, — продолжил Терон. — Иногда важно не то, как ты дерёшься, а зачем. Особенно когда враг может жить внутри тебя, прятаться годами.

Аэлла опустила клинок, глядя в землю.

— Это о Муселиуме?

— Это о нас, — тихо ответил он. — Мы не знаем, кого он уже поглотил.

Он замолчал. Потом сел на поваленное бревно и посмотрел в сторону холмов.

— Ты знаешь, почему я всё ещё жив? — спросил он неожиданно.

— Ты не говорил.

— И не скажу. Но запомни: долгожительство — не дар. Это цена выбора, который никому не пожелаешь.

Аэлла прищурилась, словно пытаясь прочитать в его лице правду.

— Иногда мне кажется, — сказала она, — ты и Дрон знаете больше, чем говорите.

Терон усмехнулся, но глаза оставались серьёзными.

— Конечно. Мы спустились в глубины. А теперь скажи: ты бы стала верить нам, если бы мы рассказали, что видели?

— Я бы захотела знать, — твёрдо ответила она.

Он кивнул.

— Тогда запомни и это. Некоторые знания — как яд. Ты можешь принять их, но это не пройдёт бесследно.

Молчание повисло между ними.

— Люди болеют. Умирают. Но никто не знает, где проходит граница между обычной болезнью и заражением. Нет ни надёжного лечения, ни достоверного способа определить заражение на ранних стадиях. И самое страшное — эта неопределённость.

Аэлла вздрогнула.

— Бывали случаи. Последние стадии. Те, кто ещё говорил… потом их тела начинали меняться. Из них буквально прорастало нечто. Никто не доживал до конца.

Терон встал. Его лицо снова стало непроницаемым.

— Мы всё время задаёмся вопросом: проснулся ли он или снова затаился. Может, ждёт. А может, следит. Мы не знаем. И потому тренируемся. Не для победы, а чтобы выжить. В мире, где нельзя быть уверенным даже в самом себе.

Много лет спустя Аэлла вспомнит этот разговор. За прошедшие годы Муселиум почти не проявлял активности.

По мере истощения запасов кэрулии, на которой держалась энергетическая система Сиреи, начались перебои с энергоснабжением. Постепенно стали выходить из строя и распылители — устройства, обеспечивавшие профилактическую защиту от Муселиума в населённых пунктах и стратегически важных районах планеты. Их работа требовала огромных затрат энергии, однако Совет не решался отключать оставшиеся установки. Даже при отсутствии видимых признаков заражения нельзя было исключить новую вспышку.

Тем временем в недрах Сиреи снова пробуждался Муселиум. Его возвращение оставалось незаметным для жителей планеты.

В одних регионах нарастало беспокойство, в других жизнь продолжалась как прежде. Не все знали правду, а некоторые предпочитали не замечать тревожных признаков. Власти делали всё, чтобы сгладить тревожные новости: странные инциденты списывались на технические сбои, случаи исчезновений — на криминал.

Электроснабжение в целом сохранялось, хотя на окраинах всё чаще происходили локальные отключения из-за перегрузок или нападений отдельных заражённых.

Организованного наступления заражённых пока не было. Большинство затаилось: одни врастали в леса и руины, другие уходили под землю. Некоторые надолго замирали в пещерах. Вспышки заражения возникали внезапно, и причины их появления оставались неизвестными. Официальная карта заражения оставалась неполной и отражала лишь часть известных очагов.

Открытие новой планеты изменило положение обеих империй. Она оказалась значительно больше Сиреи и Тереи, а её природные условия и богатые запасы открывали возможность начать жизнь заново. Для них это был шанс восполнить нехватку ресурсов, но перед ними стоял и другой вопрос: как избежать повторения прежних конфликтов?

Впервые за долгое время на орбитальной станции встретились делегации двух империй: Зератоса с Сиреи и Элеоса с Тереи.

— Мы предлагаем объединить наши народы и перенести обе цивилизации на Зелёную планету, — заявил представитель Элеоса. — Её территория в несколько раз превосходит наши родные миры, а условия жизни значительно лучше. Ресурсов хватит для всех. Но простого соглашения о совместном освоении будет недостаточно. Пока мы остаёмся двумя отдельными империями, угроза нового противостояния никуда не исчезнет. Мы предлагаем создать единое государство, постепенно переселить туда население Сиреи и Тереи, а сами планеты постараться сохранить.

— Вы предлагаете слишком многое, — ответил глава сиреанцев, выдержав короткую паузу. — Я не могу дать согласие сейчас. Но и отвергать такую возможность было бы безрас-

судно. Нам следует продолжить обсуждение, не позволяя разногласиям вновь привести нас к войне. А пока пусть эта планета будет названа Надеждой.

Это звучало как начало чего-то нового. Но за пределами переговорного зала шёл совсем другой сценарий.

Когда делегации покинули зал, на них обрушилось нападение. Люди в чёрной броне действовали быстро и слаженно. Они знали маршруты передвижения, коды шлюзов и расположение охраны. Среди нападавших были Франц и Рио. Они лично участвовали в расправе, расстреливая представителей обеих делегаций. Сопротивление оказалось бесполезным: тревога заполнила станцию, а переговорный сектор вскоре превратился в место бойни. Нападение было настолько тщательно спланировано, что почти никто не сумел выбраться.

Франц и Рио шли по коридору, озарённому светом тревоги.

— Пять веков эти империи правили целыми планетами, а теперь решили, что смогут построить общий мир, — фыркнул Рио. — Эти дикари ничего не понимают.

— Но они были полезны, — спокойно ответил Франц. — Кэрулия. Транспортные узлы. Мы получили всё, что хотели.

— Тогда зачем уничтожать? Мы рискуем подорвать доверие. А если записи утекут?

— Они не утекут. Всё было рассчитано заранее. Эти миры находились на пересечении маршрутов. Слишком важны, чтобы оставить их во власти хаоса. И ещё... — он на миг замолчал. — Нам нужно избавиться от него.

Рио нахмурился:

— Всё это — по приказу Ситреи? Я ей не доверяю. Матерь прислушивается к ней, а мы оказываемся в зависимости от её решений. Это ловушка.

— Матерь прислушивается к Ситрее, но у неё хватает и других забот: она управляет войнами между секторами. Ситрея обещала нам Возвышение. Возможность стать живыми. Настоящими. Иначе зачем нам всё это, если наша империя и без того трещит по швам?

— Я не просил жизни, — отрезал Рио. — Органика — слабость.

Он не стал спорить дальше. Лишь усмехнулся.

Вскоре на экранах появились официальные заявления обеих империй. Каждая сторона обвиняла другую в организации нападения и срыве переговоров. Доверие окончательно рухнуло. Вместо ожидаемого соглашения обе империи вновь оказались на пороге войны.

Опасаясь нового витка войны между империями, руководство заранее начало активировать старые бункеры, оставшиеся со времён прежних конфликтов. Чиновники, генералы и представители научной верхушки готовились к худшему, понимая, что в случае нового столкновения последствия для обеих планет могут оказаться катастрофическими.

В столице Сиреи, Регалии, немедленно был созван Совет.

— Потеряна связь с южным сектором, — доложил офицер. — Там зафиксировано подповерхностное движение.

— Сколько осталось работающих распылителей?

— Девять. Один за другим выходят из строя.

Тари смотрела на карту заражения — тусклая, неполная, тревожная.

— Он не проснулся сейчас, — прошептала она. — Он просто ждал. Притворялся.

— Выжидал, пока мы ослабнем, — добавил Мавек.

Слухи множились. Люди рассказывали о близких, что «стали другими», о тенях, что исчезали в лесах, и голосах, слышимых издалека. Ученые не могли найти ответы — гриб оставался чуждым, необъяснимым.

Совет утвердил экстренный план:

— По расчётам, последние распылители выйдут из строя не позднее чем через два месяца, — сказал старейшина. — Мы должны подготовиться к этому заранее. Мобилизовать всех, кто способен держать оружие.

— Используем сохранившиеся архивы, чтобы восстановить структуру отрядов Секров.

— Создадим Чистку — мобильные группы по сдерживанию заражения.

— Поддерживать карантинные зоны, защищать их силами Секров.

— Подготовить челноки. В случае потери планеты — эвакуация.

Мест в бункерах не хватало на всех. Большинство жителей оставалось на поверхности, надеясь, что напряжение между империями удастся разрешить мирным путём. Никто не давал им обещаний. Никто не мог гарантировать, что завтра не начнётся война.

Но угроза, о которой люди почти забыли, уже возвращалась.

Сирея ещё жила. Электричество мерцало в домах, радио продолжало вещание, улицы оставались полны людей. Но под землёй, в лесах, пещерах и руинах прошлого мицелий продолжал разрастаться — медленно и неумолимо. Он не подчинялся никому. Там, где оборона давала слабину, он находил путь наружу.

Терон исчез два года назад. Его след простыл.

Аэлла стояла у главного шлюза северного аванпоста. Её путь пролегал через малый сектор Рилай — населённый пункт, который ещё недавно считался безопасным. Но офицер на воротах остановил её:

— Мисс, проход закрыт. Идёт зачистка. Внутри очаг. Люди с симптомами. Приказ — направлять всех в обход, через южный хребет.

— Там живут семьи. — Аэлла сдерживала раздражение. — Почему они не были эвакуированы?

— Не нам решать. Мы только выполняем.

Она долго молчала, разглядывая металлические панели ворот. Мир вокруг медленно осыпался, и никто не пытался его остановить.

— Вам приказано идти, — вновь напомнил офицер, избегая её взгляда.

Она развернулась. Позади шёл тот, кого называли Высшим Чином. Имени его никто не знал — в Совете это считалось нормой. В нём не было ничего личного — ни эмоций, ни следа воспоминаний. Он был просто носителем воли Совета.

Он шёл молча, пока они не покинули пост. Только тогда произнёс:

— Не все дороги теперь открыты. Но главная из них — перед нами.

— Ты так говоришь, будто сам всё это спланировал.

— Я не планирую. Я направляю. По приказу Совета.

Она остановилась, посмотрела на него с едва скрываемым презрением:

— Совет. Тот самый Совет, который отдал нам в руки разлагающуюся армию и бросил сектора на самотёк? Магазины грабят, дома заколачивают, дети гибнут — а вы «направляете»?

— Не все приказы подлежат оглашению, — спокойно ответил он. — Война не выиграна. И если мы проиграем её — мы не сможем покинуть планету.

— Значит, мы уже проиграли. Просто этого ещё не озвучили официально.

Он ничего не ответил.

Они продолжили путь. Вдали клубился дым — где-то снова вспыхнули протесты. На улицах гремели шаги мародёров. Кто-то кричал, кто-то пытался тащить запасы. Власть не вмешивалась. Армия, несмотря на свою численность, практически не реагировала на происходящее на улицах. Боеприпасы экономили, а основные силы готовили к отправке на фронт. Остальные подразделения продолжали удерживать рубежи и охранять стратегические объекты.

Аэлла видела, как менялась Сирея. Новобранцев обучали в спешке. Казалось, вся жизнь планеты теперь подчинялась одной цели — отправить на фронт как можно больше солдат.

Сирея всегда казалась ей живой: полутропический мир с влажным воздухом, наполненным запахом хвои и мха. Совет когда-то поклялся чтить природу: города строили бережно, башни поднимались редко, и большую часть поверхности занимали леса и скалистые плато. В

деревнях жизнь когда-то текла размеренно. Теперь привычный уклад рушился. Казалось, сама планета затаила дыхание.

Но пока им предстояло решить другую проблему.

— Мы направляемся к Дрону, — произнёс Чин, нарушая молчание. — Он и его люди удерживают три сектора. Это больше, чем мы можем себе позволить игнорировать.

— Он был Секром, — напомнила Аэлла. — Он знает наши приёмы. И обучил своих. Мы сами вырастили себе врага.

— Он требует переговоров. О «новом порядке». Учитывая, сколько взрывов он устроил — у нас нет выбора.

Дрон и его группировка считались главной преступной силой Сиреи. Они действовали открыто, контролировали логистику, грабили военные конвои, устраивали акции устрашения. Вокруг говорили: «Если груз попал в Чёрный сектор — он утерян навсегда».

Несмотря на это, Совет решил обратиться именно к нему. Для переговоров выбрали Аэллу — одного из лучших бойцов Сиреи. Дрон знал её ещё с тех времён, когда она была значительно моложе. Он успел многому её научить, хотя Терон никогда не одобрял их общения и старался держать её подальше от него. Между ними сохранилась особая связь, несмотря на годы разлуки и то, кем Дрон стал теперь. Совет рассчитывал, что прошлое поможет Аэлле найти с ним общий язык.

Совет Регалии состоял из девяти членов, каждый представлял один из управленческих кругов: оборону, логистику, науку, внешние связи, разведку, медицину, экономику, административный контроль и стратегическое планирование. Решения принимались голосованием, но реальная власть была сосредоточена у троих старших членов. Именно они и определили, что к Дрону пойдёт она.

Аэлла почти ничего не знала о своём сопровождающем. Он появился в Совете лишь недавно, держался отстранённо и редко вступал в разговоры. В его движениях было что-то странно знакомое, хотя она не могла вспомнить, чтобы когда-либо встречала его прежде. Иногда ей казалось, что за его молчанием скрывается нечто большее, но понять, что именно, она не могла.

Он снова был рядом — молчаливый спутник, скрытый маской и связанный волей Совета.

А она шла навстречу человеку, который когда-то был для неё учителем, а теперь стал преступником.

Их путь лежал через развалины надежды.

Через трое суток они достигли Чёрного сектора. Их уже ждали. У внешней стены — массивного бетонного кольца, укреплённого часовыми и камерами — стоял транспорт. Без слов, без проверок, их посадили внутрь и повезли к сердцу сектора. Никто не удивился их прибытию. Здесь всё уже было подготовлено.

В отличие от остальной Сиреи, Чёрный сектор жил по своим правилам. Чистые улицы. Ни следа паники. Жители смотрели настороженно, но спокойно. По слухам, Дрон начал готовиться полгода назад — когда только появились первые признаки краха. Его люди наладили снабжение и распределение ресурсов, установили жёсткую дисциплину. Здесь было всё, чего не хватало остальной планете.

Главный штаб находился в бывшем центре связи, теперь превращённом в укреплённую цитадель. Когда они вошли внутрь, охрана расступилась.

Аэлла остановилась на пороге зала. У панели с голографическими схемами стоял Дрон. Без маски, без попыток скрыться. Он наблюдал за их прибытием, словно ждал гостей, а не представителей Совета.

Навстречу он не двинулся, лишь произнёс:

— Всё-таки пришла. Я знал, что придёшь. Другого я бы сюда просто не пустил.

Он уселся на край стола, закинул ногу на ногу и жестом приказал закрыть дверь.

— А это, значит, ваш делегат? — Дрон кивнул в сторону Чина. — Вошёл без стука. У меня за такое и пулю получить можно.

— Совет направил меня сопровождать Аэллу, — спокойно ответил Чин.

— Вот и сопровождай. Только не путай сопровождение с командованием.

— Дрон, полегче, — негромко сказала Аэлла.

Он перевёл взгляд на неё и усмехнулся:

— Для тебя сделаю исключение. Ты ведь знаешь, что я не люблю гостей.

— Ты не изменился.

— А ты изменилась. Вся в медалях, с поводырём от Совета. Пришла просить? Или приказывать?

— Ни то и ни другое. Мы предлагаем.

— Как раньше. Ты всегда предпочитала договариваться. А я учил тебя быть резче. — Он чуть склонил голову. — Помнишь тренировки на северной базе? Пока остальные валялись в грязи, ты стояла и смотрела мне прямо в глаза. Я гордился тобой.

— И я помню, как ты говорил: «Сначала ломай, потом строй».

— Потому что иначе ничего не построишь. — Его голос стал резче. — А теперь Совет ждёт, что я протяну руку? После всего, что с нами сделали? Из всей экспедиции вернулись только мы с Тероном. Все остальные остались там.

Дрон опустил ногу и поднялся. Под краем стола виднелась кобура с оружием. На стенах повторялся символ группировки: вытянутый коготь, пронзающий звезду. Это уже был не просто отряд — целый синдикат. Сети сбыта, контроль маршрутов, охота на должников. Люди здесь жили по законам Дрона — и нарушать их не решался никто.

Он подошёл ближе.

— Я знал, что нас бросят. Тогда, при первом заражении. Секров кинули в пекло, без шансов. А теперь снова зовут. Только на этот раз у меня есть условия.

— Говори.

— Территория. На новой планете. Официальная. Со стенами. С правом на управление. — Он начал загибать пальцы. — Иммунитет для всех моих. Свободный оборот Х-рея. Ты знаешь, о чём я.

Аэлла кивнула. Белые цветы, растёртые в порошок, дарили неописуемый кайф. Дорогой, безумный кайф. Х-рей продавали по всей Сирее. Он был оружием, валютой, инструментом власти. Но в самом Чёрном секторе употреблять его запрещалось — Дрон сам следил за этим. Он знал, насколько быстро порошок разрушает нервную систему и превращает солдат в безвольных фантомов. Его бойцы должны были оставаться чистыми. А торговля — это только бизнес.

— И последнее. Я не иду в бой. Отправлю людей, лучших. Но сам — нет.

— Боишься?

— Я — архитектор, а не солдат. — Он улыбнулся. — Солдаты умирают. Архитекторы остаются и правят руинами.

Он вернулся к столу и снова сел на край. Пальцы постукивали по металлу. Дрон смотрел на Аэллу, ожидая ответа.

— Примешь условия — получишь армию. Не примешь — не обижайся, если следующий делегат не выйдет отсюда живым.

Аэлла прищурилась.

— Поэтому ты хотел говорить со мной? Думал, мне будет легче согласиться?

— С тобой хотя бы можно говорить. — Он пожал плечами. — Ты честная. Если тебе что-то не нравится, скажешь в лицо. Ещё на тренировках такой была.

— На тех самых, которые не одобрял Терон.

— Мы с ним много в чём не сходились. Я был не про дисциплину, он — не про гибкость. Но он молчал, когда я тебя подзывал. Ни слова не сказал. Значит, не запрещал. И ты сама хотела учиться — не притворяйся.

— Хотела. Хотела понять, как защищаться. Ты учил меня не просто драться, а выживать. И я благодарна. Но это не даёт тебе права продавать отраву за спинами тех, кого когда-то называл братьями.

— Отрава? — Дрон приподнял бровь. — Х-рей — это средство. Инструмент. Да, он опасен. Да, ломает. Но я никого не заставляю совать его в нос. А если ты хочешь, чтобы моя армия пошла на войну, мне нужен ресурс. Я не маг, Аэлла.

— Ты создал империю из грязи. Но ведь мог выбрать другой путь. Вместо этого стал тем, кого когда-то клялся сдерживать.

— Может быть. А может, я просто адаптировался. В отличие от тех, кто сгинул в пепле, веря в уставы.

Он замолчал на мгновение, затем добавил тише:

— Ты была хорошей ученицей. Стойкой. Цельной. Ты могла стать одной из нас — если бы выбрала иначе.

— А может, я всё ещё не выбрала, — бросила она.

Между ними повисла тишина. На голографической карте планеты мигали сектора, тянулись отмеченные разными цветами линии снабжения. Мир умирал — и каждый пытался выторговать себе место в его тени.

Аэлла перевела взгляд на Чина. Тот молча кивнул, оставляя ответ за ней.

Она глубоко вдохнула. Совет отправил её за людьми Дрона. Своих сил не хватало, времени на поиски другого решения почти не оставалось. Она снова посмотрела на него. Он ждал. Ни одно из условий он не отозвал — даже после всего, что она сказала об Х-рее.

— Я согласна на твоих условиях. Но окончательное соглашение должен утвердить Совет.

Дрон усмехнулся. В его лице не было ни удивления, ни триумфа — только лёгкое, почти тёплое удовлетворение.

— Удачи, моя дорогая сестрёнка, — сказал он напоследок, откинувшись назад. — Не потеряйся в их игре.

Аэлла молча развернулась и покинула зал. Чин последовал за ней.

Выйдя за ворота Чёрного сектора, она достала маленький металлический цилиндр — одноразовую флешку-передатчик. Совет не допускал постоянной связи. Каждый контакт — строго по протоколу. Защищённый канал, одно касание — и всё. Если ошибиться с частотой, устройство взрывалось.

Она вставила флешку в гнездо коммуникатора. Экран мигнул.

— Это Аэлла. Дрон согласен выделить людей.

Она перечислила условия: территория на новой планете с правом управления, иммунитет для его людей, свободный оборот Х-рея.

— Сам он в боевых действиях участвовать не будет.

Ответ пришёл почти сразу. Голос был металлическим, безличным:

— Принято. Условия признаны приемлемыми. Готовься к встрече с подкреплением.

Аэлла извлекла передатчик и бросила на землю. Он вспыхнул — и рассыпался в пепел.

— Часть отрядов пойдёт в армию, — сказал Чин, глядя вдаль. — Остальных направим к тебе. Самых сильных. Самых неудобных. Бывших. Тех, кто давно должен был погибнуть.

— Секров, — догадалась она.

— Не только. Но в основном — да.

Аэлла кивнула.

Обратный путь занял гораздо меньше времени. К сумеркам, на пути к южному лагерю Ордена, они ненадолго остановились у старого заброшенного поста на холме.

Здесь, в тени руин, стояла самодельная фигура Терона. Кто-то собрал её из металлолома и выцветшей ткани, добавил шлем и копию старого клинка. Словно памятник.

Аэлла подошла к ней и застыла. Она не знала, кто её сделал, но ощущение было странным — будто он снова рядом, смотрит, молчит.

— Он всё ещё с тобой, — неожиданно сказал Чин. — Даже если его нет.

— Не с тобой говорить об этом, — тихо ответила она.

На рассвете они вернулись в южный лагерь Ордена. Группа Секров уже была в сборе. Кто-то тренировался, кто-то разбирал снаряжение. Аэллу встретили напряжённо, но без открытой вражды. Она была для них не просто командиром — символом. Их надеждой в мире, где ничего больше не работало.

Её речь была короткой:

— Вы знаете, зачем вы здесь. У нас нет времени. У нас нет права на ошибки. Мы — не армия. Мы — щит для тех, кто останется здесь. Мы не победим Муселиум. Но если добудем ресурсы для Сиреи, дадим тем, кто остаётся, время. Столько, сколько сможем.

Несколько бойцов переглянулись. В их глазах была усталость — и готовность. Кто-то кивнул. Кто-то ударил кулаком в грудь.

Позади лагеря стояли машины. Гигантские боевые «Пауки» — грозные, угловатые конструкции, способные пересекать любую местность. Они могли вести бой даже без экипажа: встроенный искусственный интеллект позволял им самостоятельно выбирать цели и вести огонь, ориентируясь на тактические данные.

И среди них был один — особенный. Его корпус был покрыт белыми метками, как будто кто-то поиграл с краской. На спине — укреплённая площадка, а на месте стандартной башни — навигационный блок.

— Это что? — удивлённо спросила Аэлла.

Учёный в защитном комбинезоне, чьи очки блестели в свете прожекторов, вышел вперёд, сдерживая волнение.

— Я внедрил в него поведенческую модель… собаки. — Он гордо кивнул. — Реакции, рефлексы, даже некоторые повадки. Его зовут Грак.

— Он… что? — Аэлла моргнула.

В этот момент Паук-громила подпрыгнул — насколько это позволяла конструкция весом в тонну — и выплюнул мяч.

Мяч покатился к ногам Аэллы. Громадина с грохотом опустилась на землю и замерла в ожидании, словно настоящая псина. Аэлла не выдержала и рассмеялась.

— Он не только боевой. Он… дружелюбный, — пожал плечами учёный.

Она бросила мяч.

Грак рванул за ним. Он визжал, когда терял мяч из виду, возвращался за новым броском и каждый раз «радовался», когда Аэлла давала команду.

— И как мы собираемся его забрать на фронт? — спросила она, когда попытки вернуть Грака в ангар ни к чему не привели.

— Очень медленно. И с печеньем, — мрачно сказал кто-то из техников.

К вечеру пришёл приказ на погрузку. Грак сопротивлялся, словно чувствовал, что его уводят в бой. Аэлла стояла рядом, наблюдая, как он упирается лапами перед трапом и не хочет идти.

— Ладно, дурень, — пробормотала она и подошла ближе. — Вернёшься — снова поиграем. Обещаю.

Машина замерла. Потом послушно взошла на трап.

О существовании Галактического совета было известно всем. Но никто не знал, кто входил в его состав и как именно он осуществлял свою власть. Одно правило оставалось неизменным: его законы нельзя нарушать. Последствия ослушания были известны каждому.

Тем временем ресурсы Совета Регалии заканчивались. На Сирее больше не знали, как создавать ИИ такого уровня. Местные специалисты ещё могли изменять поведение сохранившихся машин, но создавать новые системы уже не умели. Эти «Пауки» были последними, которыми располагал Совет Регалии.

Аэлла и её люди были предоставлены самим себе. Впереди была только битва.

С наступлением ночи Высший Чин покинул лагерь. Его миссия была выполнена. У выхода он задержался на мгновение и бросил:

— Теперь всё зависит от тебя.

И ушёл, растворившись в тьме. Аэлла осталась — среди стали, тишины и ожидания.

«Скарабеев» начали грузить следом за «Пауками». Это были десантные машины с лёгким вооружением, предназначенные для быстрой высадки, прикрытия пехоты и эвакуации раненых. Маневренные, скоростные, но слабо защищённые. Как и «Пауки», они не блистали бронёй: крупнокалиберный пулемёт пробивал их обшивку. Их сила была в скорости и искусственном интеллекте.

Совет Регалии планировал провести парад. Хотели фанфар, речей, прощальных жестов. Но всему помешала реальность.

Когда началась посадка солдат, раздался первый крик. С юга — из-за старых теплиц. Затем прокатился рёв, разрывающий тишину. Мутировавшие заражённые хлынули на периметр. Не волна — цунами. Они карабкались по стенам, прыгали, цеплялись за технику, перегрызали кабели. Двигались хаотично, по-звериному, но при этом словно чувствовали, куда направить удар. Это были заражённые на последних стадиях — быстрые и смертоносные.

Укус позднестадийного «водимого» был почти смертным приговором. Иногда хватало полуминуты: человек падал, бился в судорогах и поднимался уже другим.

Солдаты открыли огонь. Секры прикрывали отступающих и удерживали проходы к трапам. Машины включались в бой без команды — автономно. «Пауки» поворачивали башни, «Скарабеи» срывались с места и давили заражённых.

Трое заражённых прогрызли боковую панель одного из «Пауков» и проникли внутрь. Машина закружилась на месте. Затем взорвалась, накрыв огнём половину погрузочной платформы.

— Огонь по всему периметру! Не пускайте к трапам! — орал кто-то из старших командиров.

Аэлла держала позицию. Кровь на лице, автомат в руках. Плевать на страх. Плевать на рёв. Главное — не дать им прорваться.

Её отряд отступил к последнему трапу. Аэлла поднялась на борт одной из последних и продолжала стрелять, пока створки шлюза не начали смыкаться.

С Сиреи уходили основные боеспособные подразделения — регулярная армия, Секры и бойцы Дрона. На планете оставались гражданские, полицейские подразделения, часть Секров и технические службы, которым предстояло поддерживать автоматические системы карантина.

Пока корабли готовились к старту, заражённые цеплялись за их обшивку, вонзая когти и разрывая металл. Корпуса содрогались от ударов.

С запуском двигателей тех, кто оказался возле сопел, сорвало потоками раскалённых газов. Остальные ещё цеплялись за обшивку, когда корабли оторвались от земли.

В этот момент по связи прозвучал голос:

— День Х начался. Победа за Сиреей.

Корабли уходили к Зелёной планете, где силы Зератоса должны были столкнуться с армией Элеоса за контроль над ресурсами. Там решалась судьба двух истощённых империй. Парада не было. Только крики, огонь, обломки и те, кто остался на земле.

Так начался Последний Исход.